

«Я БЫЛ ПРОТИВ»

Накануне думских слушаний по импичменту Борис Ельцин отправил в отставку правительство Евгения Примакова. Новым председателем правительства России был назначен **Сергей СТЕПАШИН**. В интервью «Историку» он рассказал о событиях тех дней

Беседовал **Владимир РУДАКОВ**

То, что над Примаковым весной 1999 года сгустились тучи, было понятно многим: импичмент стал всего лишь поводом для его отставки. А вот кто придет ему на смену – догадаться об этом было не так уж просто. Ельцин умел запутать не только своих политических оппонентов, но и тех, кто считал себя его сторонником.

«ЭТО БЫЛО КОЛЛЕГИАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ»

– Каким было ваше отношение к идее вынесения импичмента президенту Ельцину?

– Проблем в стране было много, совершенных ошибок тоже – причем связанных с деятельностью не только Ельцина, но и правительства в целом. Особенно много ошибок было совершено в начале 1990-х – я имею в виду прежде всего «дикую приватизацию». Но, несмотря на это, я, конечно, не был сторонником процедуры импичмента. Помню, этот вопрос мы обсуждали с лидером КПРФ Геннадием Андреевичем Зюгановым и я ему прямо сказал, что не поддерживаю идею. Причин было три. Во-первых, я знал, что импичмент как таковой просто не состоится. Даже если бы Дума проголосовала за отрешение Ельцина от должности, эту инициативу должен был еще поддержать Совет Федерации, а там были совершенно другие настроения. Да и вообще это достаточно длинная процедура.

– Нужен был еще и положительный отзыв высших судов.

– Конечно. И понятно было, что все это закончилось бы пшиком, никакой правовой перспективы эта идея не имела. Это первое.

АЛЕКСЕЙ НИКОЛЬСКИЙ/ТАСС

Второе: можно по-разному было относиться к сути выдвинутых против Ельцина обвинений, но по одному пункту я был категорически не согласен. Речь идет о том, что Ельцин якобы развязал войну в Чечне. Я в конце 1994 года занимал пост директора Федеральной службы контрразведки (ФСК) и знаю ситуацию, наверное, лучше всех из ныне живущих. Помню, как Ельцин сомневался и по поводу военной кампании, и по поводу ввода войск в Чечню, и поэтому обвинять его лично в этой истории было бы, с моей точки зрения, неправильно, просто нечестно. Тем более что решение о вводе войск в Чечню принималось не единолично Ельциным, а всеми членами Совета безопасности России, среди которых на тот момент были и Примаков как директор Службы внешней разведки, и я сам как директор ФСК, и другие товарищи.

– Это решение было коллегиальным?

– Да, оно было коллегиальным. Мы голосовали. Мы все поднимали руку. Поэтому уж если отвечать, то всем вместе, а не одному Ельцину. Это второе.

Ну и третье. В 1999 году я как министр внутренних дел понимал, что последствия импичмента могут быть необратимыми. Мы могли бы раскачать лодку хуже, чем в 1993-м: тяжелейшее экономическое положение, нестабильная политическая система – и тут еще отрешение президента от должности. И это притом, что уже в первой половине 1999-го было ясно, что год станет переломным в политической истории нашей страны. Чувствовалось, что Ельцин скоро уйдет, ведь срок его полномочий истекал летом 2000-го. Что, собственно, и произошло. Так что какой смысл было затевать этот импичмент?

Кстати, когда меня назначали председателем правительства, депутаты меня спросили о моем отношении к импичменту, и я им ответил примерно то же, что вы сейчас слышите от меня. И за меня все равно проголосовали 307 человек. Это – конституционное большинство Государственной Думы. Так что, думаю, депутаты сами все прекрасно понимали.

«НАДО БЫЛО ЗНАТЬ ПРИМАКОВА»

– Как вы считаете, чего добились коммунисты и все те, кто голо­совал за импичмент?

– Как мне видится, мотивов было три. Первый – это, конечно, действительно недовольство ситуацией. Она была тяжелейшая. Невыплаты зарплат, трагическое состояние армии, падение промышленного производства, последствия приватизации и ко-

лоссальное расслоение населения. Нищета, страшная нищета! Нам сейчас уже трудно осознать и представить, с чем столкнулись люди в 1990-е годы. Но это, что называется, объективные причины.

Второе – борьба за власть. А борьба за власть предусматривает разные методы и формы. В тот момент были политические силы, которые считали возможным через процедуру импичмента идти на выборы. А выборы в Госдуму, напомню, должны были состояться в конце того же, 1999 года.

Ну и третий мотив – субъективный. Многие Бориса Николаевича недолюбливали, особенно в КПРФ. И наверно, было за что...

– Надо отдать ему должное, он отвечал коммунистам тем же.

– Вы абсолютно правы, Ельцин отвечал им тем же.

– Скажите, как вы полагаете или даже, может быть, знаете, вели ли коммунисты переговоры с Примаковым?

– По поводу импичмента – точно нет. Сто процентов нет. С Евгением Максимовичем мы дружили, и очень близко. И мы с ним обсуждали эти вопросы. Он был премьер-министром, я – министром внутренних дел. Примаков открыто высказался против импичмента. Другое дело, что коммунисты рассматривали его

кандидатуру в качестве возможной на пост президента. Это очевидно: он был очень популярным человеком. Но надо было знать Примакова. Он был слишком чисто плотным и порядочным политиком, чтобы позволять себе кулуарные переговоры и интриги за спиной у того же Ельцина. К сожалению, Борис Николаевич этого так тогда и не понял. Ему-то шептала про Примакова бог знает что.

Кстати, меня о позиции Примакова Ельцин тоже спрашивал. И я ему вот так же, как сейчас вам, ответил, что нет, Евгений Максимович категорически против этой затеи. Аргументы у него были примерно такими же, как и у меня.

ПРЕЗИДЕНТА ЕЛЬЦИНА СТАЛИ НАКРУЧИВАТЬ: МОЛ, ПРИМАКОВ ГОТОВИТ МАССОВЫЕ РЕПРЕССИИ В ОТНОШЕНИИ БИЗНЕСМЕНОВ

ИСТЕРИКА БЕРЕЗОВСКОГО

– Почему, на ваш взгляд, Ельцин все-таки снял Примакова?

– И тут причин несколько. Хотя, если честно, я все же думаю, что не Борис Николаевич снимал Примакова. Это было коллективное решение. Как и в отношении меня, кстати, спустя три месяца. Коллективное решение людей, которые в тот момент, скажем мягко, помогали Ельцину управлять страной.

Скорее всего, первым мотивом для тех, кто подсказывал Ельцину по поводу Примакова, было то, что он якобы идет «не тем курсом». Хотя каким курсом мы все шли тогда – одному богу известно. Да и ему тоже, наверно, неизвестно. Но Ельцину нашептывали, что Примаков-де задавит экономические реформы. Впрочем, какие это были «экономические реформы» – мы-то с вами знаем.

Второе, и, как мне кажется, это главное. На одном из заседаний правительства мы обсуждали вопрос амнистии и тогдашний министр юстиции Павел Крашенинников назвал цифру – порядка 160 тыс. – осужденных по незначительным статьям, что вскоре должны были выйти на свободу по амнистии. Тут Евгений Максимович немного не сдержался: вот, говорит, 160 тыс. выпустим, чтобы освободить места для тех, кто замешан в экономических преступлениях, кто, по сути, разграбил нашу страну. Это был эмоциональный выплеск. И я помню, какая истерика была у Бориса Березовского и его тогдашних сотоварищей – тех, кто нажился в 1990-е годы. Конечно, они все побежали к Борису Николаевичу.

Ну и третья причина. Она в какой-то степени была связана со мной лично. В определенный момент Евгений Максимович попросил меня как министра внутренних дел предоставить ему список наших крупных коррупционеров – тех, на кого у нас была собрана оперативная информация. Список этот я ему передал лично, с грифом «Совершенно секретно», причем документ был написан от руки. Мы его даже не печатали – я опасался утечек. И все-таки утечка произошла: список попал в руки его фигурантов. Я не знаю, как это случилось. Но для окружения Ельцина это был еще один аргумент, президента стали накручивать: мол, премьер-

Борис Березовский (на фото справа) делал все, чтобы через доверенных лиц убедить Бориса Ельцина в необходимости отставки Евгения Примакова

АЛЕКСАНДР ДАНИЛОШИН/ТАСС

В мае 1999 года премьер-министром России вполне мог стать министр путей сообщения Николай Аксёненко (на фото слева), однако в последний момент выбор президента пал на главу МВД Сергея Степашина (на фото справа)

министр готовит массовые репрессии в отношении бизнесменов.

Наконец, последнее. Я думаю, что Бориса Николаевича кто-то сумел убедить, что если придет к власти Примаков, то он не даст гарантий безопасности семье первого президента – пересажает едва ли не всех. Это был абсолютно неправильный подход. Примакова просто плохо знали те, кто тогда сидел в Кремле. Я уверен, никаких гонений на Ельцина и его окружение Евгений Максимович осуществлять бы не стал: для этого он был слишком порядочным человеком.

Других причин отставки Примакова я, честно говоря, не знаю. Может быть, что-то еще было, но об этом нужно спрашивать у тех, кто давал тогда Ельцину соответствующие советы.

«НЕ ТАК СЕЛИ!»

– Когда вас назначили 27 апреля 1999-го первым вице-премьером, понимали ли вы, что это уже ступенька к премьерской должности?

– Нет, я понимал только, что вот-вот должна произойти замена главы правительства. О том, что она произойдет, говорили еще с начала весны. В том числе и я это понимал. Все-таки я был министром внутренних дел – не последним человеком в стра-

не – и видел, что Примакова готовят к отставке. Кстати, я ему говорил об этом, но он мне не поверил...

– Вы знали, что вас готовят ему на смену?

– Нет, я знал, что сменщиком Примакова хотят сделать Николая Аксёненко – тогда он занимал пост министра путей сообщения. За несколько дней до отставки Примакова мне было известно о таком сценарии. Собственно говоря, мое назначение первым вице-премьером 27 апреля было страховочным: вдруг кандидатура Аксёненко не пройдет утверждения в Госдуме, тогда вот вам, пожалуйста, Степашин. Но в последний момент ситуация была переиграна: Ельцина убедили, что Аксёненко не пройдет в Госдуме, что за него не проголосуют и, значит, придется Думу распускать. А это новый виток политической напряженности. Так я и оказался кандидатом в премьер-министры.

Кстати, Геннадий Селезнёв – тогдашний председатель Госдумы – прямо во время заседания сказал депутатам, что ему позвонили из Кремля и сообщили о том, что в Думу вносится кандидатура Аксёненко, но к этому моменту уже была внесена моя. «У президента семь пятниц на неделе», – прокомментировал Селезнёв...

– А как же знаменитая ельцинская фраза, которую все до сих пор вспоминают?..

– «Не так сели?»

– «Не так сели! Степашин – первый вице-премьер! Сергей Вадимович, пересядьте!» – сказал Ельцин, прервав свое выступление, транслировавшееся чуть ли не в прямом эфире.

– Было такое. После чего меня посадили рядом с Примаковым...

– Это выглядело как сознательное унижение Примакова.

– Согласен. Таких сознательных унижений было и до этого много. Например, когда его обвиняли в том, что он едва ли не подсиживает Ельцина, и Примаков вынужден был делать специальное заявление, что не собирается идти в президенты. Ну, это манера поведения, к сожалению.

Но была и другая история. 9 мая 1999-го – уже после этого эпизода с «Сергей Вадимович, пересядьте!» – сразу после парада Победы я уехал в Министерство внутренних дел на Житной. Вдруг мне позвонили из приемной президента и попросили подъехать: «Сергей, тебя Ельцин приглашает в Мавзолей». Я очень удивился. Думаю: «Почему ж в Мавзолей-то?!»

А там с задней стороны – не знаю, остался сейчас или нет, но тогда был – такой маленький буфет под Мавзолеем. Еще в советские годы члены Политбюро туда заходили погреться во время многочасовых демонстраций трудящихся: стопочку опрокинуть, чайку попить – холодно же стоять на трибуне.

Приезжаю, захожу: там Ельцин, еще кто-то, я уже и не помню, кто точно. Подъезжает Евгений Максимович. И Ельцин нам говорит: я, мол, знаю, что вы дружите, ну-ка, выпейте друг за друга! Ну, выпили мы друг за друга с Примаковым... Это было 9 мая. Через три дня его отправили в отставку, а я стал премьер-министром. Что Ельцин хотел этим сказать, можно только догадываться.

– А как вы узнали о том, что планы Ельцина относительно Аксёненко поменялись и премьером будете вы?

– То, что меня будут назначать премьер-министром, я понял, когда мне позвонил глава Администрации президента РФ Александр Волошин. У меня в тот момент шло совещание в МВД. Меня вызвали к Ельцину. Уже в приемной президента окончательно стало ясно, зачем вызывали. Когда я зашел туда, из кабинета Ельцина

как раз выходил Евгений Максимович: «Ну, Сергей, я сказал Ельцину, что ты лучшая кандидатура в премьер-министры». И пошел. Я даже ничего не успел ему ответить. Так я оказался – правда, ненадолго – председателем правительства Российской Федерации.

«ОДНАКО ЕЛЬЦИН РЕШИЛ ИНАЧЕ»

– Предполагали ли вы, что вас вскоре тоже отправят в отставку?

– Безусловно. В то время только крайне самоуверенный человек мог предполагать, что вот он-то усидит в этом кресле.

Когда меня уже избрала Госдума, мы поехали в Сочи, в Бочаров Ручей, к Ельцину. Был очень тяжелый разговор. Кое-кого мне тогда засунули в кабинет министров вопреки моему желанию, в том числе и Михаила Касьянова. Я не хотел, чтобы тот был министром финансов. Я предлагал оставить Михаила Задорнова, и сначала Ельцин согласился. Но потом переиграл. В ходе этой встречи в Сочи президент мне неожиданно сказал:

«Мы вас назначаем исполнять обязанности премьер-министра». Я говорю: «Борис Николаевич, не понял вас». Он в ответ спрашивает: «Что значит “не понял”?» Я объясняю, что уже не исполняю обязанности – я их исполнял, а теперь за меня проголосовали 307 депутатов, теперь я полноценный председатель правительства, а не и. о. Можно сказать, что это был первый звоночек...

– Потом были и другие?

– Разумеется. Интересно, что о своей будущей отставке как о деле решенном я узнал от людей, казалось бы, далеких от московской политической кухни. Я, наверно, впервые журналистам об этом рассказываю. Так вот, первым, кто мне сообщил о моей грядущей отставке (это было в конце июля или в начале августа, перед моей поездкой в Штаты), стал тогдашний премьер-министр Израиля Эхуд Барак. По окончании переговоров он мне вдруг предложил:

«Пойдем пройдемся». Ну, Барак из спецслужб, и я из спецслужб, так что сразу все понял: видимо, есть у него какая-то секретная информация. Вот пошли по коридорчику, а все смотрят на нас: что это они ходят тут? И Барак мне спокойно говорит: мол, по нашим данным, в августе вас, Сергей, скорее всего, снимут.

И то же самое мне сказал несколько дней спустя, уже в Америке, Струуб Тэлботт – заместитель госсекретаря США, который тогда курировал отношения с Россией. Как только мы в аэропорту сели в автомобиль, он мне и сообщил: «Сергей, по нашим сведениям, вас скоро отправят в отставку». Так что я знал, что что-то готовится. Но все-таки отставка стала для меня неожиданностью: я думал, что по крайней мере месяца два-три еще потружусь. Однако Ельцин решил иначе.

Впрочем, мне грех стыдиться своей короткой премьерской планиды. Хотя бы потому, что на этом посту я сменил Примакова, а меня сменил Владимир Путин. В этом смысле я оказался в компании очень достойных людей. ■

«Историк» рекомендует ЧТО ПОЧИТАТЬ?
МЕДВЕДЕВ Р.А.
 Борис Ельцин. Народ и власть в конце XX века: из наблюдений историка. М., 2011
ПРИМАКОВ Е.М.
 Минное поле политики. М., 2019

Спикер Госдумы второго созыва коммунист Геннадий Селезнёв был среди тех, кто выступал за отставку Бориса Ельцина